

Александр

Тамоников

В бой идут
одни пацаны

Ускоренный выпуск для смертников

Александр Александрович Тамоников

В бой идут одни пацаны

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10099867

Александр Тамоников. В бой идут одни пацаны: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-77695-5

Аннотация

Узбекистан, 1993 год. Курсантам Самаркандского высшего военного училища делается неожиданное предложение – досрочно получить офицерское звание в обмен на согласие служить на таджикско-афганской границе. Михаил Левченко и несколько его товарищей принимают предложение, и им вскоре присваивают лейтенантские звания. Совсем еще юных офицеров немедленно отправляют к месту несения службы. По прибытии на границу вчерашние курсанты с удивлением узнают, что будут служить не в российских пограничных войсках, как договаривались, а в армии Таджикистана. «Желторотых» офицеров сразу бросают в бой, в самое пекло. И теперь их главная задача – выжить и оправдать лейтенантские звездочки на погонах...

Книга также выходила под названием «Погранзона».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	41
Глава 3	75
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Александр Тамоников

В бой идут одни пацаны

© Тамоников А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

В основе книги лежат реальные события. Они тесно переплетаются с авторским вымыслом. Некоторые фамилии, названия и рельеф местности, а также временные параметры сознательно изменены для облегчения восприятия текста.

Автор не имел ни малейшего намерения принизить чье-либо национальное достоинство.

Автор благодарит участника описанных событий, капитана запаса Михаила Васильевича Левченко за активную помощь в создании книги.
А. Тамоников

Глава 1

Самаркандское высшее военное автомобильное командное училище имени Верховного Совета Узбекской ССР, начало февраля 1993 года.

После команды «Разойдись!» строй первого взвода третьей роты рассыпался, и курсанты ринулись в казарму. Февраль в этом году выдался теплым, но дождливым. Вот и сегодня, в четверг, с утра лил дождь, заставляющий все перемещения осуществлять бегом. Только что закончился обед, и наступило короткое время отдыха. Полчаса до очередного построения на самоподготовку. Не успеешь просохнуть, как опять придется выходить под дождь и бежать до учебного корпуса. Впрочем, небо заметно просветлело, усилился ветер, так что можно было рассчитывать, что тучи, а с ними и надоевший дождь уйдут к цементному заводу.

Левченко поправил подушку. На соседнюю кровать присел Серега Логинов, с которым Михаил был дружен с первого курса.

– Ты лекцию по эксплуатации записал? – поинтересовался он.

– То, что успел. Сам знаешь, как Курин их читает. Автомат бьет реже, чем говорит майор. На его лекциях, да в такую погоду, только спать.

– Вот и я закемарил. На самоподготовке переписать дашь?

– Какие проблемы? Хотя сейчас возьми конспект да переписывай.

– Успею. Как насчет субботы, подумал?

Левченко хлопнул ладонью по лбу.

– Черт, совсем забыл!.. Но, в принципе, тут и думать нечего. Нет у меня, Серега, желания идти на эту вечеринку. Да еще неизвестно, отпустит ли ротный в увольнение.

– Насчет увольнения я с Девятовым вопрос решу. Он тебя в список внесет. Взводному по барабану эти бумажки, у ротного тоже нет причин отказать. С учебой и дисциплиной порядок, последний раз в город ходили месяц назад. Так что отпустят. А аппетит, Миша, как говорится, приходит во время еды.

Старший сержант Девятов был замком, то есть заместителем командира взвода старшего лейтенанта Климаса. Ротой командовал капитан Обыденный.

– Это смотря какой еды, Серега. От одной приходит, а от другой навсегда пропадает.

– Ты о своих отношениях с Викой? Не загоняйся. Ведь объяснился же с ней! Она умная девочка, в пединституте учится, должна понять.

– В том-то и дело, что должна, но вот не хочет или не может. Мне ее жаль.

– Не знаю, почему у вас не срослось. Девчонка-то хорошая, красивая, умная, не избалованная, домашняя. Влюблена в тебя по уши.

– Но я-то, Серега, не люблю ее, понимаешь? Мог бы, конечно, до выпуска мозги пудрить, а потом свалить потихонечку к месту службы и забыть обо всем. Так ведь запаadlo, Серега, выйдет. Лучше уж сейчас и прямо, без обмана.

Логинов расстегнул верхнюю пуговицу ПШ – полушерстяной куртки, которая выдавалась на осенне-зимний период обучения вместе с такими же галифе.

– Конечно, лучше, – заявил он. – Но ты сам говоришь, что Вика не хочет и слышать о разрыве.

– Не хочет.

– Ее действительно жалко. Да и тебя тоже.

– А меня-то с чего?

– Да с того, что таких девчонок, как Вика, еще поискать...

Левченко прервал друга:

– Все, Серега, кончай базар. И без тебя хреново!..

– Ладно, это твои личные дела. Значит, в субботу на вечеринку не поедешь?

– Не знаю. Потом видно будет.

– Ну-ну. Отдыхай, а я пока покурю.

– Иди, травись.

Логинов ушел. До построения оставалось семь минут. Левченко поднялся, поправил кровать, прошел к стенду, на котором висел лист с расписанием занятий. Он посмотрел, какие завтра будут предметы, собрал сумку, оставил для друга конспект по эксплуатации автомобильной техники.

В отсеке появился дневальный по роте.

– Левченко! – крикнул он.

Михаил обернулся:

– Чего надо?

– С контрольно-пропускного пункта позвонили, там тебя снегурочка ждет.

– Какая снегурочка?

– Тебе лучше знать. – Дневальный улыбнулся. – Так что беги, пока она не растаяла.

– Дима, ты можешь нормально сказать, кто меня вызывает?

– Если бы я знал. Помощник дежурного передал, что к тебе приехала девушка.

– Нашла время!.. – пробурчал замкомвзвода, вернувшийся с перекура.

Левченко взглянул на старшего сержанта и спросил:

– Отпускаешь?..

– Да, иди. Может, случилось что. Только, Миша, смотри, чтобы дежурный по училищу, комбат или ротный не застукали. А то вставят по самые помидоры.

– Не в первый раз. Если что, я ушел сам.

– А я на построении не увидел, что у меня не хватает курсанта? Нет уж, ты обратился, я разрешил. Постарайся не задерживаться. С КПП беги прямо на кафедру.

– Постараюсь. – Левченко забрал сумку и вышел из казармы.

Дождь очень кстати действительно прекратился. Только с

крыш и деревьев продолжали падать капли.

Левченко обогнул плац и второй учебный корпус со стороны кафе, вышел к контрольно-пропускному пункту и тут вдруг встретился с взводным. В училище старший лейтенант почти всегда заходил через ворота, расположенные у старой столовой и парка боевых машин. Сегодня же он, как назло, почему-то оказался здесь.

– Опа! А это еще что за явление? Куда спешим, Левченко? – воскликнул старший лейтенант Климась.

– На КПП.

– Это я понял. В честь какого праздника?

– Девушка ко мне приехала из города.

– Весьма уважительная причина! – заявил взводный и усмехнулся. – А распорядок дня для нас, значит, не существует?

– Виноват. Разрешите вернуться в расположение?

Взводный был нормальным мужиком. Да и Левченко не первогодок, без пяти минут офицер.

– У Девятова отпрашивался?

– Так точно!

– Ладно, ступай к своей подружке. Только недолго, понял?

– Понял!

– Давай! – заявил Климась и направился к плацу по главной аллее.

Левченко вышел на КПП и увидел Вику, стоявшую возле ворот.

Из помещения КПП высунулся помощник дежурного:

- Вы поаккуратней, генерал с обеда еще не приходил.
- Мы внизу у стоянки посидим.
- Давайте.

В наряде стояла вторая рота третьего батальона. Парень с четвертого курса, такой же, как Михаил, особо не беспокоился насчет разноса даже от начальника училища.

Большинство ребят с выпускного курса по воле политиков оказались не в той стране, которой они в свое время присягали на верность. Их перспективы на дальнейшую службу выглядели весьма туманно. Поэтому парни не боялись ничего и никого. Они надеялись, что Россия не оставит их, не бросит на произвол судьбы. Но, к сожалению, времена настали не те. Теперь и в Москве вряд ли знали, что делать с выпускниками училищ, оказавшихся за пределами России. Там думали о другом. А офицеры, курсанты, солдаты? Чем они были лучше штатских, обреченных на отчуждение, на положение иностранца?

Левченко подошел к девушке и спросил:

- Ты зачем приехала, Вика?
- Здравствуй, Миша, – ответила девушка.
- Извини, здравствуй! Так зачем ты приехала?
- Даже не знаю, Миша. Просто не могла оставаться дома одна.
- У тебя нет занятий в институте?
- Не смогла пойти.

Левченко вздохнул.

– Вика, что же ты делаешь и с собой, и со мной?

Помощник дежурного вышел на площадку перед КПП:

– Эй, мальчики и девочки, может, вы все-таки свалите вниз?

Левченко взял девушку под руку, провел к обочине дороги, отходящей от КПП, оттуда к скамейкам, расположенным у автостоянки. В выходные дни здесь разрешалось находиться курсантам и посетителям. В будни тоже, но только вечером, в свободное время.

Впрочем, это ограничение практически не действовало. Конечно, иногда у начальника училища, его заместителей или у старших офицеров штаба, которые проходили мимо, настроение оказывалось плохим. Тогда разгон получали и те курсанты, которые вышли за территорию училища, и личный состав наряда. Но это происходило редко.

Вика присела на скамейку, посмотрела в глаза Левченко и сказала:

– Ты спросил, что я с тобой и с собой делаю. А я хочу знать, что ты творишь со мной.

– Мы же объяснились, Вика! Ну не пара мы, пойми. Нет у нас будущего. Зачем ты унижаешься, рвешь себе сердце?

– Если бы ты знал, Миша, как я ненавижу себя за проявленную слабость. Мне стыдно за то, что я здесь, но я не могу ничего поделать с собой. Не могу!

– Возьми себя в руки, Вика. В конце концов, должно же у

тебя быть женское достоинство! Почему ты ведешь себя как тряпка? – Левченко говорил девушке жестокие слова, намеренно пытался вызвать у Вики хоть немного злости. – Распустила нюни! Не любят ее, видите ли. А что, разве кто-то обязан это делать? Если ты влюблена, то и другие должны испытывать те же чувства, не так ли? Понимаешь, что ты эгоистка? Ради собственного благополучия, личного счастья ты готова сломать жизнь другому человеку. Нет у меня любви к тебе, Вика. Нет и не будет. Вместе нам не быть. Ты очень хороший человек, совсем молода, девчонка еще. У тебя вся жизнь впереди. Ты обязательно найдешь человека, который будет тебя на руках носить. И не дави, пожалуйста, на жалость. Это не пройдет, потому что жалость, проявленная сейчас, впоследствии может обернуться трагедией.

Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

Левченко тряхнул головой.

– Только этого не хватало! Ты, Вика, езжай домой и не появляйся здесь больше.

– Как же ты жесток! – проговорила девушка.

– Да! – повысил голос Михаил. – Жесток, но с тобой иначе нельзя!

Этот возглас услышал начальник училища, подошедший к КПП.

Он остановил дежурного, бросившегося к нему с докладом, кивнул в сторону автостоянки и спросил:

– Что там происходит, прапорщик?

- К курсанту приехала девушка, товарищ генерал-майор.
- И что? У курсанта есть увольнительная записка?
- Никак нет.
- Так почему вы пропустили его за пределы училища?
- Виноват, товарищ генерал-майор.
- Это не ответ!
- У них там какая-то проблема.
- У вас она тоже будет!.. – Начальник училища прошел мимо прапорщика, спустился к скамейке.

При виде генерала Михаил вскочил и выпалил скороговоркой:

- Курсант первого взвода третьей роты Левченко, товарищ генерал-майор.

Начальник училища увидел заплаканное лицо девушки и спросил:

- Что происходит, курсант?
- Это, товарищ генерал, личное.
- Личное? Негоже будущему офицеру доводить женщину до слез.

– Понимаю.

Поднялась и Вика.

- Товарищ генерал, Миша ни в чем не виноват. Это все я...

- Вот как? – Генерал хмыкнул и пробурчал: – Ну-ну.
- Мне готовиться на гауптвахту? – спросил Левченко.
- А что, очень хочется?

– Никак нет, но...

Начальник училища махнул рукой и поднялся к КПП.

Дежурный вытянулся в струнку и заявил:

– Я сейчас разгоню эту парочку, товарищ генерал. А курсанта пропустил один из моих помощников, в мое отсутствие.

– Не трогайте их, пусть поговорят. Вам же, товарищ прапорщик – выговор.

– Есть выговор!

Генерал прошел через КПП и направился к штабу.

– Это я из-за тебя выговор получил! – накинулся дежурный на помощника, того самого курсанта, который выпустил Левченко. – А комбат еще добавит, и не видать мне отпуска летом.

– Да чего ты дергаешься? – спокойно проговорил парень. – Подумаешь, выговор. А в отпуске и зимой неплохо. Водку в холодильник ставить не надо.

– Борзый, да? Тебе все по фигу, да, выпускник хренов?

– Ты за базаром следи, прапор! А то можно и в репу за просто получить.

– Да как ты смеешь подобным образом разговаривать со старшим по званию?

– Шел бы ты, старший по званию!

– Учти, парень, тебе это тоже не сойдет с рук.

– Тебя реально послать?

– Службу неси!

– А куда она денется? И как далеко ее нести, не подсказешь?

– Нет, лучше три наряда с первым и вторым курсом, чем один с четвертым.

– Это точно.

Дежурный прошел в помещение, присел за пульт, сдвинув шапку на затылок. Помощник улыбнулся и встал возле решетчатых дверей КПП.

После ухода генерала Вика вдруг преобразилась и заявила:

– А ты прав, Миша! Насильно мил не будешь. Я не стану больше доставать тебя. Справлюсь как-нибудь, забуду, что ты был в моей жизни. Тебе же желаю счастья. Извини, что у тебя могут возникнуть неприятности из-за меня. Прощай!

– Вика, ты только... – начал было Левченко, но девушка прервала его:

– Не говори ничего. – Она улыбнулась.

Парню было видно, как тяжело ей держать себя в руках, но она справлялась.

– Прощай!

– Прощай! – тихо проговорил Михаил и проводил Вику взглядом.

Она поднялась к дороге и пошла в сторону автобусной остановки. Парень дождался, пока Вика села в автобус, потом подошел к КПП.

– Что? – спросил помощник дежурного. – Серьезные про-

блемы?

– Ты видел когда-нибудь реального подонка?

– Да уж! Дела ни к черту.

– Так видел или нет?

– Слушай, вали-ка ты на самоподготовку. Не раздражай!

– Так подонок перед тобой!

– Очень приятно!

– Шуткуешь?

– Нет, расплачусь сейчас. Что ты из-за бабы раскис? Разве мало их тут на заборе вечерами висит, после отбоя шарахается по городку, сидит у спортзала? Вышел втихаря, зацепил не страшной обезьяны, разложил на футбольном поле, да и все дела.

– Ни хрена ты не понимаешь, друг.

– Зато ты, как я вижу, понимаешь. Слюни распустил.

– А как насчет того, чтобы в морду?

– Попробуй!

– В следующий раз!

– Добро. Возникнет надобность получить в пятак, заходи в роту. Спросишь Пашу Рюмина. Своим не отказываем ни в чем.

– А ты в натуре борзый!

– Нет, дерзкий! А вообще, браток, держи хвост пистолетом. Скоро выпуск. В войсках все не так, как в училище. Местных девочек забудешь быстро.

– Наверное, ты прав!

– Давай!

Левченко дошагал до учебного корпуса, в аудиторию вошел чернее тучи. Не сказав ни слова, он присел за стол у окна.

Логинов устроился рядом и спросил:

– Ты чего такой, Миша?

– Ничего.

– Вика приезжала?

– Она!

– Вижу, разговор вышел не из приятных.

– Да куда уж приятней!.. Теперь все, Вику больше не увижу.

– Так чего нос повесил? Разве не этого ты добивался?

– А я сейчас не знаю. Ты знаешь, Серега, когда смотрел, как она уходит, вот тут защемило. – Он указал на левую сторону груди.

– Ну, Миша, тебя не поймешь.

– Я сам себя не пойму, куда уж другим.

– Пройдет!

– Конечно, но мне как-то не по себе. Я ведь с близким человеком попрощался.

– Не ты первый. А конспект мне дашь?

– Чего?.. А, конспект, конечно. – Левченко достал из планшета тетрадь, передал ее другу и сказал: – Если где не разберешь почерк, спрашивай, объясню.

– Ага.

– Может, вечером выпьем? – предложил Левченко.

– С чего бы это? – удивился Логинов.

– С того, что настроение хреновое.

– А после самогона или вина лучше станет? Да, на какое-то время тебе полегчает, а потом?

– Что будет потом, не важно.

– Ладно. Значит, после ужина к Акбаю рванем, да?

– Ну не в казарме же пить!

– Договорились.

Почти все парни на старших курсах старались снять комнатушку в частном секторе, недалеко от училища, вне города, в селении, называемом Махаля. Они по двое-трое селились в пристройках к основному дому или в отдельных зданиях типа летней кухни, чтобы можно было посидеть небольшой компанией, просто переодеться в гражданку, чтобы поздней весной, летом и ранней осенью не париться в увольнении в форме. Левченко снимал такую комнату вместе с двумя своими сокурсниками.

Прошла первая пара. После десятиминутного перекура курсанты вновь вернулись в учебные аудитории.

Тогда же явился проверить занятия своего взвода и старший лейтенант Климашь. Девятов отдал команду «смирно». Курсанты поднялись.

Взводный отмахнулся и заявил:

– Вольно! Садись! – Сам он устроился за столом, где до того восседал его заместитель, старший сержант Девятов. –

Ну и как гранит науки? Грызём?

Логинов ответил за всех:

– А куда ж мы, товарищ старший лейтенант, денемся с подводной-то лодки?

– Это верно, деваться вам некуда. Остается только зубрить предметы, которые ни хрена в войсках не пригодятся. Кроме, естественно, профессиональных, да и те придется позабыть на практике, в условиях суровой реальной службы. Это вам сейчас кажется, что и в войсках все так же, как в уставах, учебниках, в конспектах лекций, которые читают вам преподаватели. А на самом-то деле ни хрена подобного. В войсках все гораздо сложнее. Но учиться – это ваша обязанность, а посему извольте заниматься, не отвлекаясь! – Он поднялся, чтобы уйти в роту.

Взвод был на месте, самоподготовка проходила нормально, как положено, и торчать в учебном корпусе взводному никакого смысла не было. Честно говоря, старший лейтенант не испытывал особого желания сидеть в аудитории вместе с личным составом.

Но выйти он не успел.

В дверях показалась физиономия совсем молоденького курсанта.

– Разрешите, товарищ старший лейтенант?

– Ты кто такой? – спросил Климашь.

– Курсант седьмой роты Федоров.

– И что тебе надо, курсант Федоров?

– Меня помощник по КПП послал.

– А ты уверен, что он тебя послал в учебный корпус, а не подальше?

– Так точно, уверен. Помощник велел передать, что к курсанту Левченко приехала девушка. Она ждет его на КПП.

– Что? Девушка к Левченко? Ты ничего не перепутал?

– Никак нет. Девушка к курсанту Левченко из первого взвода третьей роты.

– Ну что ж, передал, свободен.

– Есть! – Курсант исчез.

Командир взвода взглянул на Михаила, который сам не понимал, что происходит. Может быть, вернулась Вика? Это была единственная версия, пришедшая ему в голову.

– У тебя, Левченко, сегодня что, приемный день? Сперва одна мамзель заявила, теперь другая!..

– Я никого не просил приезжать.

– Смотри, какой популярностью ты пользуешься у местного женского пола! И как я этого раньше не замечал?

– Да какая там популярность, товарищ старший лейтенант!.. Говорю же, никого не звал.

– Ладно. Чего стоишь? Иди к очередной красавице!

– Могу и остаться!

– Женщин, Миша, нельзя заставлять ждать. Ступай. Дежурному или кому из начальства доложишь, что я отпустил.

– Спасибо!

– На здоровье! К восемнадцати ноль-ноль быть на месте.

– Есть!

Левченко вышел из класса, спустился на площадку перед корпусом и двинулся к КПП, думая о том, что же заставило Вику вернуться. Ведь они вроде бы расстались навсегда. Но курсанту было приятно, что девушка вернулась. Настроение у него поднялось.

Он вошел на КПП. У большой стеклянной витрины, заменявшей стену, улыбаясь, курил курсант Рюмин, помощник дежурного. Сам прапорщик остался у пульта и как бы не замечал происходящего. Свое, в принципе, он уже получил. Генерал уехал в город, командир батальона обеспечения учебного процесса находился в парке вместе с заместителем начальника училища по вооружению, так что очередного разноса ждать не приходилось. А вступать в перепалку с выпускниками ему не хотелось.

– Ну, ты, брат, даешь! Не успела одна уехать, прикатила вторая.

– В каком смысле вторая? Разве?..

И тут в проходе появилась Елизавета Евсеева, двоюродная сестра Вики.

– Лиза?.. Ты?

– Я! Привет!

– Привет! Чего приехала?

– Мы так и будем на дистанции в присутствии посторонних разговаривать? Или, может, выйдешь хотя бы к лестнице?

Левченко взглянул на помощника дежурного.

Тот кивнул в сторону дверей и заявил:

– Давай!

– А дежурный?

– Да все будет как надо! Прапорщик у нас понятливый.

Уже огреб за твои посиделки от генерала.

– Серьезно?

– Да и хрен с ним. Был бы мужик, а то чмо самое настоящее.

Левченко вышел к гостье, отвел ее к правым воротам.

Елизавета в отличие от Вики относилась к той категории женщин, которые в двадцать два года особо не утруждали себя какой-то моралью, вели свободный образ жизни, при этом торопились замуж. Лиза только начала охоту за женихом, и в поле ее зрения попал Миша Левченко. Она познакомилась с ним на квартире Вики в день ее двадцатилетия. Лиза была в курсе отношений сестры и Михаила, вот и решила этим воспользоваться.

– Ну и чего тебе? – спросил разочарованный Михаил.

– Слышала, разбежались вы с Викой. Правда?

– И кто ж тебе это сообщил?

– Да она сама и сообщила. Повела о вашем сегодняшнем разговоре.

– Ты хочешь сказать, что она отсюда поехала к тебе?

– Почему нет? Ведь мы же сестры, хоть и двоюродные, да и живем по соседству. Она все мне рассказала, поплакала, а

потом заявила, что так даже лучше. Жить, мол, с эгоистом – это только губить молодость.

– Так и сказала?

– Ты мне не веришь?

– Не знаю. Но тебе-то что надо?

– Как что, Миша? Ведь Вика тебе в подметки не годится. Какая она жена? Ей еще лет пять под юбкой маминой сидеть, если вообще не всю жизнь. Она же без мамы никуда.

– А из тебя, значит, жена хорошая?

– По крайней мере, я знаю, что мужику надо, и любить умею крепче других. Не веришь? Проверь.

– Что значит «проверь»?

– А то и значит. В общем, я задерживать тебя не буду, не хочу, чтобы влетело от начальства, а после отбоя буду ждать возле музея у забора.

Михаил усмехнулся и осведомился:

– С чего ты взяла, что я приду?

– Ни с чего. Придешь – не пожалеешь, не придешь – дело твое. Я вешаться на шею не собираюсь и унижаться, как Вика, тоже.

– А не приду, как до дома доберешься? На последний автобус точно опоздаешь!

– Это мои заботы. Пешком дойду или доеду с частником. И не говори ничего. Иди служи. Как решишь, так и будет. Только помни, я с десяти часов здесь. Все, Миша! Я побежала, мне еще кое-куда заскочить надо. – Лиза не попрощалась

и поспешила к остановке, вилия сексуальным задом.

Михаил покачал головой.

«Ну и Лиза! Настоящая хищница. С ходу просекла момент, когда можно подкатить, – подумал парень. – Только зря старается. Черт, а ведь мы с Серегой хотели посидеть на хате. Придется менять планы».

Левченко вернулся в корпус. Вскоре взвод закончил самоподготовку и прошагал к казарме.

Перед построением на ужин Михаил подошел к другу и сказал:

– Облом на вечер получается, Серега.

– Ты это о чем?

– Что мы планировали?

– Так ты насчет расслабухи? И почему облом? Передумал, как и с вечеринкой?

– Нет. Второй раз ко мне приезжала сестра Вики, Лиза.

– Это та, что на дискотеках голым задом перед мужиками крутит?

– Почему голым?

– Ты видел, в чем она приходит? То в платье, которое едва задницу прикрывает, то в юбке, которая совсем ничего не прячет. Танцует, правда, красиво. Фигурка, надо сказать, привлекательная. Да и лицом ничего. Но сразу видно, чего ей надо.

Левченко улыбнулся:

– Так ты, значит, пасешь ее, да? Я вот Лизку пару раз в

клубе видел, да и то мельком. А ты же всю ее рассмотрел. Колись, приглянулась?

– Нет, Миша. С такой особой только свяжись, в момент захомутает. Я предпочитаю других. Но хватит об этом, давай по теме. Чего она приезжала-то? Если не секрет, конечно.

– Да какой секрет... – Михаил рассказал другу о беседе с Евсеевой.

Сергей выслушал Левченко и проговорил:

– Да, Лизка не промах, сразу берет быка за рога.

– Вот только ни хрена у нее не получится.

– Как знать.

– Неужели ты думаешь, что я пойду к ней?

– Не знаю, Миша.

– Не пойду. А расслабиться мы и в училище сможем. Надо только послать гонца за самогоном. В Махале его можно купить в каждом доме.

– Купить-то можно, и с гонцом проблем не будет. Витьке Брасову только скажи, тут же в шесть секунд слетает. Только на что брать самогон? У тебя много денег?

– Откуда?

– Вот и у меня голяк.

– Акбай дал бы в долг, но Елизавета...

– Черт, да что за дела? Кругом одни засады.

– Ничего, обойдемся сегодня, в выходные расслабимся.

– Я на вечеринку не пойду!

– Чего уперся? Хуже-то не будет! И девочки там не такие,

как Лизка.

– Не пойду!

– Ладно, проехали. На сегодня отбой, дальше видно будет. Сергей хотел уйти, но Левченко задержал его:

– погоди, Серега! Может, все же пойдем к Акбаю?

– С Лизкой?

– И что? Черт с ней, не помешает. Выпьем, расслабимся, вернемся, а она пусть одна кукует на хате.

– Одна не останется. Сын Акбая, Максуд, наверняка разложит ее!

– Ну вот пусть с Максудом и милуется. Мне потом легче от нее отвязаться будет.

Логинов подумал и согласился:

– А ладно! Пойдем с Лизкой!

– В одиннадцать.

– Добро. Я замка предупрежу.

– А кто у нас ответственный по роте?

– Вчера был командир второго взвода, значит, сегодня – третьего.

– Главное, что не Климаш. Значит, ровно в двадцать три.

– Договорились.

Но планам друзей не суждено было сбыться. Вечером недалеко от училища патруль обнаружил труп молодой девушки. Приехала милиция, вызвали генерала. Это был второй случай с лета. Первую девушку, так же жестоко изнасилованную и задушенную, нашли под трибунами стадиона

в городке. Поэтому начальник училища принял решение на усиление патрульной службы.

Патруль назначался и от третьей роты. Его возглавил командир третьего взвода, который должен был заступить ответственным офицером. Под его начало ротный определил трех курсантов, в том числе и младшего сержанта Логинова. Патруль заступил на службу сразу же после ужина.

В свободное время Левченко отправился в спортивный городок, куда заглядывал каждый день, когда выпадала свободная минута. Он поддерживал себя в отменной физической форме, начал заниматься спортом в детстве. В спортгородке было много ребят.

Михаил только собрался сделать несколько упражнений на брусьях, как к нему подошел Виктор Брасов, тот самый курсант третьей роты, которого Левченко и Сергей хотели послать за самогоном.

– Мишаня!.. – обратился он к Левченко.

– Ну?

– Третьим будешь?

– В смысле?

– Да чего ты, в натуре? Мы с Петром Кривко вина в Махале надыбали, аж полтора литра, для двоих многовато. Не хочешь выпить?

Левченко неожиданно для себя согласился:

– Хочу! Где устроимся?

– Да вот у качалок. С закуской хреново, только хлеб.

– Сейчас и без закуски хорошо пойдет.

Надо отметить, что Левченко не питал пристрастия к спиртному, если и выпивал, то немного и по праздникам, как говорится. Просто на данный момент ему было необходимо снять напряжение, и ничего, кроме вина, для этого он не находил. Михаил прекрасно понимал, что спиртное лишь на время облегчит состояние, потом ему будет только хуже, но он желал хоть ненадолго уйти от проблем. Такое бывает нередко. Даже совершенно непьющие люди иногда надираются до чертиков, испытывая стресс или попадая в холодные объятия безысходности.

Спустя несколько минут Михаил подошел к парням из роты. Они выпили быстро и разошлись до начала ненужных разговоров, которые, как правило, переходят в пьяные базары и привлекают постороннее внимание.

От двухсот граммов вина Михаил даже не захмелел, а на душе стало спокойней. Мысли о Вике отошли куда-то в глубину сознания. Заниматься он не стал, решил пройтись по училищу.

У топографии парень встретил Логинова. Начальник патруля послал того в казарму за плащ-палатками. Со стороны гор потянуло свежестью, значит, вскоре мог пойти дождь.

– Как дела? – спросил друга Левченко.

– Ты выпил? – вопросом на вопрос ответил Сергей.

– А что, заметно?

– Запах!

– Выпил немного.

– Так чего тогда шарахаешься по училищу? Выпил и сиди в казарме.

– Не могу.

– Ну, смотри, залетишь, командование церемониться не будет. Сейчас не то что прежде, за пьянку легко в войска отправят, а до приказа почти три месяца.

– Ты это мне говоришь?

– Тебе! Пойдем в казарму.

– Ладно, пойдем.

Друзья направились к расположению роты.

– Так что там за дела с убитой девушкой? – спросил Михаил.

– А черт его знает. Взводный говорил с особистом. Вроде как убийца тот же самый, что и в случае на стадионе. Почерк один. А вот кто он, пока неизвестно. Но будто бы оперативники нашли что-то и обещают раскрыть преступление.

– Неужели это кто-то из курсантов?

– Вряд ли. По крайней мере, так считают менты.

– Ты мне скажи, патрули оцепили все училище?

Логинов подозрительно посмотрел на друга и спросил:

– А почему тебя это интересует?

– Да просто любопытствовал.

– Решил-таки махнуть к Лизе?

– Нет!

– Ага. Это дело твое. А патрули выставлены со стороны

чайханы, на дороге к складам ГСМ и автодрому, у Шанхая, в самом городке. Мы обходим район от бани до водокачки. От полка связи вроде высланы люди к железной дороге.

– Понятно! Значит, если Лизка прикатит, то выпроводить ее отсюда будет некому.

– Тут и менты пасутся. Может, заинтересуются Лизкой, но вряд ли станут отправлять обратно в город.

– Ну и черт с ней.

Они дошли до казармы. Сергей прошел в канцелярию, а затем в каптерку, Михаил – в кубрик взвода.

Дождь не пошел. По расписанию старшина провел вечернюю прогулку и поверку, на которой присутствовал ротный. Потом, сразу после отбоя, капитан Обыденный ушел.

Михаил аккуратно сложил форму на стуле и лежал в кровати. Обычно он засыпал быстро, едва прикоснувшись головой к подушке, но сегодня ворочался, не находил себе места. Товарищи по взводу спали.

В половине одиннадцатого Михаил встал, снял с вешалки шинель, скрутил ее, положил на кровать, накрыл одеялом и простыней. Место его находилось в конце кубрика. При дежурном освещении подмену заметить можно было, лишь пристально вглядываясь именно в эту кровать.

Но кто будет вглядываться? Дежурный по училищу? Тот пройдет по казарме, бегло осмотрит кубрики и двинет дальше. Ему проверять тринадцать таких рот, не считая подразделений батальона обеспечения учебного процесса.

Закончив с кроватью, парень быстро оделся, вышел в коридор и увидел дневального, сидевшего на подоконнике напротив канцелярии. Тот тоже заметил Левченко.

Миша подошел к нему и спросил:

– Как наряд?

– Нормально. А ты, смотрю, в самоход собрался?

– Собрался. Не знаешь, где дежурный по училищу?

– До нашего батальона еще не дошел. Ребята позвонили бы.

– А дежурный по роте?

– В каптерке у хомута. Посылку делят.

Хомутом курсанты называли старшину роты. Почему? На этот вопрос вряд ли кто-нибудь ответил бы. Так принято, да и все!

– Ты его предупреди, что я свалил.

– Нет. Сам договаривайся, как и положено. Только сегодня стремно в самоход идти. Усилены патрули, менты.

– Ничего, прорвемся! – Левченко вызвал из каптерки дежурного сержанта. – Свалить мне, Коля, надо.

– Приспичило, что ли?

– Сказал, надо!

– Кровать заправил?

– Все по уму.

– Ну, тогда удачи. Когда вернешься? К подъему?

– Может, раньше.

– Давай!

– Угу.

Левченко прошел в секцию оружейной комнаты, где у тумбочки с телефоном стоял второй дневальный.

– Я ушел, – сообщил ему Михаил и вышел из казармы.

Он обогнул ее со стороны учебных классов и лабораторий, прошел с тыла столовой. За зданием высилась вышка, где нес службу дневальный, в задачу которого входил контроль за территорией, примыкающей к ограждению. Проектором он освещал периметр. Левченко дневальный увидел сразу.

Михаил подошел к вышке:

– Как тут?

– Нормально. До дороги никого нет.

– Ты предупреди своих сменщиков, что к утру вернусь.

– Не один ты. В самоход уже трое при мне свалили.

– И все равно предупреди!

– Давай!

Михаил вышел к забору напротив второго учебного корпуса, взобрался на него, аккуратно приподнял колючую проволоку, чтобы не порвать форму, и спрыгнул на землю.

– Все же пришел!.. – неожиданно раздался голос Лизы.

Михаил резко повернулся:

– Значит, ждала?

– Конечно, я же обещала.

– Тогда пошли в хату!

– С удовольствием.

Михаил и Лиза прошли к первым домам селения. Левченко постучал в калитку дома Акбая Джумаева, и тот открыл ее.

– Салам, Акбай! Поздновато я, извини.

– Ничего.

– И не один, с девушкой!

– Дело молодое!

Левченко и Евсеева зашли во двор небольшого дома, напротив которого стояла пристройка, состоявшая из прихожей и комнаты.

Михаил передал Лизе ключ:

– Ступай в хату, я сейчас.

Евсеева не заставила себя упрашивать.

Левченко же обратился к хозяину:

– Акбай, самогон нужен, а бабок нет. Выручишь?

– Ай, зачем спрашиваешь? Сколько надо самогона? Бутылка, две?

– Бутылки хватит. Ну и лепешку на закусь.

– Стой здесь, сейчас принесу.

– Спасибо!

– Не за что, Миша.

Парень забрал бутылку самогона и лепешку, прошел в саманный домик.

Лиза сняла куртку и осталась в короткой юбке, из-под которой были видны кружева ее черных чулок, да в майке. Она сидела, поджав ноги, на разложенной софе. Под майкой не

было лифчика. Ее довольно крупные груди кокетливо проступали, колыхались при каждом движении.

Левченко поставил бутылку на стол. Рядом он положил лепешку, разломанную на части, достал солдатские кружки.

– Выпьешь? – спросил парень.

– С тобой – да! Хотя эта дрянь крепка для меня.

– Предпочитаешь шампанское?

– Представь себе, да.

– Извини, шампанского у Акбая нет, только самогон и бормотуха.

– Фу! – Лиза скривилась. – И как вы это пьете?

– Нормально пьем.

Он разлил самогон по кружкам. Лиза пересела на край софы, Михаил остался стоять у столика и подал кружку гостю.

Они выпили. Лиза вся сморщилась, словно хлебнула укусной эссенции. Самогон у Акбая был из винограда, вонючий, но крепкий, не разбавленный.

– Ой, – откашлявшись, проговорила Лиза. – Ну и пошло, аж голова закружилась.

– Попридержи.

– Что, голову?

– Софу.

– А чего ее держать?

Михаил и сам почувствовал, что сто пятьдесят граммов первача ударили ему по мозгам. На душе стало легко. Он налил еще.

– Может, пока хватит? – спросила Лиза.

– Не хочешь, не пей, а мне надо.

– Не свалишься?

– Свалюсь, укроешь одеялом.

– Зачем же доводить до такого? Можно найти занятие и приятнее.

– Здесь вода на улице.

– А я дома помылась как следует.

Михаил выпил еще сто граммов, потом посмотрел на ее ноги и заявил:

– Фигура у тебя, ничего не скажешь, хорошая, сексуальная.

Опьяневшая Лиза улыбнулась:

– А у меня все хорошее. Особенно для тебя.

Михаил присел на софу.

Лиза попыталась обнять его, но Левченко отстранился и пробурчал:

– Не гони, успеешь!

– Так ты не против переспать со мной?

– Не задавай ненужных вопросов.

– Хорошо, молчу. Подай мне, пожалуйста, сумочку.

Михаил подал. Лиза достала из нее пачку американских сигарет, которые тогда только начинали продаваться в магазинах и ларьках.

– Не хочешь?

– Давай!

Они закурили.

Лиза как бы случайно приблизилась к Михаилу и сказала:

– А здесь не так уж и плохо, хоть и грязно. Главное, тихо.

Ничего не мешает. Сюда твои дружки не придут?

– Нет.

– Отлично. Тут печка, что ли, топится?

– Калорифер работает. Что, жарко? Отключить его?

– Не надо.

Выкурив сигарету, Лиза посмотрела на Михаила и резко через голову сняла майку. Ее пышные груди с торчащими большими сосками заколыхались.

– Ты чего? – спросил Левченко, не сводя глаз с прелестей молодой женщины.

– Все нормально. Потрогай, какие упругие яблочки.

Михаил опрокинул еще сто граммов, провел рукой по груди Лизы.

Та запрокинула голову и простонала:

– Хорошо!.. Миша, поласкай их еще.

Левченко хотел прекратить это, но спиртное затуманило голову, и он поплыл по течению. Парень опрокинул Лизу на спину и начал тискать ее груди. Сжимал сильно.

Ему казалось, что ей должно быть больно, но Лиза просила:

– Сильней, Миша, еще сильней. Поцелуй меня.

– К черту все! – воскликнул он и, едва не сломав «молнию», стянул с женщины юбку вместе с трусиками.

Она осталась в одних чулках, раздвинула ноги и предоставила обозрению свое интимное место.

– Разденься, Миша, и иди ко мне.

Левченко сбросил куртку, снял брюки, нижнее белье и навалился на Лизу.

Та рукой помогла ему, и вскоре он почувствовал теплоту и влагу ее тела. Сдержатъ себя парень уже не мог, да и не хотел. Михаил не помнил, кто выключил свет, не слышал, что за окном пошел дождь, он был во власти близости с женщиной.

Лиза старалась. То постанывая, то издавая резкие вскрики, она извивалась под ним змеей, затем сама взгромоздилась на него.

– Вот так я больше всего люблю.

Михаил держал ее за груди. Ночь превратилась в сплошные стоны и вскрики.

Наконец-то Лиза сползла с него. Тело ее блестело от пота в свете уличного фонаря. Удовлетворившись, Михаил тут же уснул. Под боком у него пристроилась Лиза.

За время учебы Левченко привык вставать тогда, когда это было надо. Он научился программировать свой сон и поднялся в 4.50, всего через два часа. Голова его раскалывалась, по вискам словно кто-то бил молотком.

Проснулась и Лиза. Ее похмелье не мучило.

Она довольно улыбнулась и пропела:

– Доброе утро, дорогой!

- Какое, к черту, доброе, голова раскалывается.
- Так лекарство на столе. В бутылке немного осталось.
- Пить нельзя. Аспирин бы!
- Могу предложить лучшее лекарство.
- Какое?
- Секс, милый. Ты же хочешь меня?
- Не хочу. И не хотел.
- Ага. Это ты теперь говоришь, а ночью так тискал, что синяки остались.

– Сама же просила.

– А что?.. Я ничего не имею против. Так что мне сделать для тебя?

Левченко, проклиная себя за проявленную слабость, враждебно взглянул на молодую женщину и пробурчал:

– Отстань!

– Хорошо. Буду знать, что с утра секс тебе не требуется.

А таблетку аспирина возьми в сумке. Там, по-моему, есть.

Левченко нашел таблетку, проглотил ее, не запивая, и прилег.

Лиза положила голову ему на грудь.

– Скажи, Миша, только правду, со мной было лучше, чем с Викой?

– Не знаю, не могу сравнивать. Я с ней не спал.

Лиза от удивления подняла голову.

– Что? Вы не занимались сексом?

– Нет!

- Ни разу?! А что делали, в игрушки играли?
 - Отвали!
 - Ты жалеешь, что переспал со мной?
 - Да.
 - Не обманывай. Тебе было очень хорошо, я же чувствовала. Слушай, Миша, а я не первая у тебя женщина?
 - А если и первая, то что?
 - Ничего. Значит, ты еще захочешь быть со мной!
 - Почему ты так уверена в себе?
 - Потому, что знаю вас, мужиков.
 - Ни хрена ты не знаешь. Одевайся. Вместе выйдем. И давай побыстрей, мне до подъема надо быть в роте.
 - Успеешь. Скажи, когда мы еще встретимся?
 - Никогда!
 - Ладно, сейчас тебя доставать не стоит. Болееешь. Я вечером приду, тогда и поговорим.
 - Не надо приезжать, Лиза. Давай считать, что между нами ничего не было!
- Лиза усмехнулась и заявила:
- Ну уж нет! Теперь, Мишенька, ты мой!
 - Уверена?
 - Абсолютно. А почему уверена? Об этом мы вечером поговорим.
 - Не надо приезжать!
 - Я все равно приеду. В девять часов. Не выйдешь, в казарму приду.

– Этого еще не хватало.

– Вот! Так что ты не прячься. А сейчас давай одеваться, а то действительно на службу опоздаешь.

Левченко проводил Лизу до остановки и благополучно вернулся в казарму за пятнадцать минут до подъема. Он убрал шинель, застелил кровать и присел на подоконник.

Там его и застала команда дежурного:

– Рота, подъем!

Глава 2

Физическая зарядка взбодрила Левченко, но настроение его не поднималось. На утреннем осмотре присутствовал взводный.

Он задержал взгляд на Михаиле, как только осмотр закончился, подозвал его к себе и сказал:

– Судя по виду, ночь ты провел весьма бурную. В самоходе изволил быть?

– Так точно, – признался Левченко.

– А за самоход и пьянку что полагается?

– Отчисление.

– Несмотря на это, ты все же решился на нарушение.

– Так получилось. Но наряд ни в чем не виноват. Ни дежурный, ни дневальный не видели, как я ушел и вернулся.

– И как же ты покинул казарму? Мухой мимо наряда пролетел?

– Никак нет. Через окно. Открыл и ушел.

– В Махале был?

– Так точно.

– Самоход связан с вчерашними встречами?

– Так точно.

– Проблемы с девушкой?

– Да.

Офицер поправил шапку и спросил:

– Ну и что, помог самоход решить проблему?

– Никак нет. Только хуже вышло.

– Вот что я скажу, Миша. Тебе до выпуска осталось меньше полугода. Ты отложи все свои личные дела. Как получишь погоны и диплом, тогда и разберешься со всем сразу.

– Да все я понимаю, товарищ старший лейтенант. Но тут такая ситуация, что отложить не получится.

– Ну, тогда, Миша, если что, не обижайся. Сегодня я прощу твою выходку, в следующий раз – нет.

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

Климась кивнул в сторону казармы:

– Ступай, скоро построение на завтрак. Понятно, что тебе сейчас не до каши, но заставь себя поесть. Хоть немного запах притупишь, а то несет от тебя, как от винной бочки. Постарайся не подходить к ротному, комбату и преподавателям. Это все. Но предупреждение помни!

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

В перерыве между занятиями в курилке к Левченко подошел младший сержант Логинов. Утром дополнительные патрули были сняты, и освободившиеся курсанты отправились на занятия.

– Ну и видок у тебя, Миша! – воскликнул Сергей, пожав руку другу. – Все же пошел в самоход?!

– Чего теперь об этом?..

– Хорошо, что не попался.

– Климась просек, что я был в отлучке.

– И что теперь?

– Ничего. Предупредил, что сегодня готов ничего не за-
метить, но в следующий раз даст делу ход.

– Ну и нормально.

Возле ребят стали собираться однокурсники.

Сергей отвел Михаила в угол курилки и спросил:

– Значит, ты встретился с Лизкой и бухал с ней на хате?

– Да.

– И она, конечно же, сумела затащить тебя в постель.

– Мне тогда уже было все равно.

– Но вы переспали?

– Да.

– И как она?

– Чего привязался? Не хочу об этом говорить.

Но от Логинова не так просто было отделаться.

– Нет, Миша, так не пойдет.

– Чего не пойдет? Какая тебе разница, какова Лизка в по-
стели?

– Интересно. Может, и я к ней подкачу, если, конечно, ты
ее отошьешь.

– Ее отошьешь!.. Специально ко мне прицепилась.

– А ты что хотел? Девка молодая, фигуристая, ей мужик
нужен.

– Вот и получила мужика. И на хрена я выпил лишнее?

– Ты вообще на хрена туда пошел? Ведь говорил же, что
этого не будет!..

- Не знаю. Не спалось после отбоя. А может, вино взыграло, хотя в училище был трезвым, выпил-то всего кружку.
 - Оп-па! И где выпивку надыбал?
 - Витек Брасов угостил в спортгородке. Отстань!.. Мне и так хреново, и ты еще с расспросами!
 - Ладно, не буду доставать тебя, но при одном условии.
 - Каком еще условии?
 - Ты скажешь, какова в постели Лизка.
 - Вот блин, далась она тебе. Хороша в постели, в этом ей не откажешь. Она если захочет, то и у импотента поднимет.
 - Короче, кайфовал по полной?
 - До сих пор в ногах дрожь.
 - А в каких позах?..
- Прозвучал звонок.
- Все, Серега! Базар закончен. Пойдем в класс. Больше о Лизе ни слова. Черт, мне еще встречаться сегодня с ней!..
 - Да ты что? Э-э, брат, видно, она зацепила тебя.
 - Не зацепила, а привязалась. Прилипла как банный лист. Сказала, что в девять вечера приедет, и предупредила, если не выйду, то она в казарму придет. А Лизка так и сделает, у нее стыда столько же, сколько у тебя в кармане денег.
 - У меня лично сейчас ни копейки.
 - Вот и у нее стыда нет. Придется идти на КПП.
 - Хочешь, с тобой пойду?
 - Нет! Ты в субботу расслабишься, а я поговорю с Лизкой на трезвую голову, серьезно.

– Хрен ты от нее отвяжешься. Это же хищница. Акула. Если захватила жертву, то не выпустит.

Они подошли к классу, и диалог оборвался.

День прошел, как обычно. Занятия, обед, короткий отдых, самоподготовка, ужин. Все это сопровождалось бесконечными построениями, командами.

В обед Левченко кое-как заставил себя съесть пустой суп.

С питанием в училище было плохо. Сказались последствия разрушения страны. Три военных училища в Узбекистане остались вне внимания России, а значит, и обеспечения, а для недавно созданного Министерства обороны Узбекистана они как бы не существовали. Статус военных вузов не был окончательно определен. Это сказывалось не только на обеспечении курсантов, службе офицеров, но и на их психологическом состоянии. Совершеннейшая непредсказуемость даже ближайшего будущего нервировала всех. Но учебный процесс продолжался.

В 20.40 Михаил подошел к командиру отделения сержанту Андрею Шевчуку, которого парни часто называли Шефом.

– Шеф! Мне на КПП надо.

– Опять бабы? – Сержант усмехнулся. – Чего-то тебя, Миша, в разнос понесло.

– Мне только твоих подколов не хватает для полного счастья.

– Ладно. Надо на КПП, так иди, время-то свободное. Ве-

черную прогулку не прозевай!

– Когда ж, блин, все это закончится?

– Что именно? Кружева с девочками или учеба?

– То и другое.

– Насчет первого не скажу, а второе закончится скоро.

– Ладно, пошел я.

У ротной курилки Левченко столкнулся с Логиновым.

Тот протянул ему тетрадь и сказал:

– Вот конспект, который ты мне давал.

– Ты же знаешь, куда я иду. Брось в тумбочку.

– Хорошо. Сегодня ответственным заступает Климашь.

– И зачем ты это мне говоришь?

– Мало ли.

– Информацию принял к сведению.

– Удачи.

Тут к ним подошел взводный и осведомился:

– Куда собрались, курсант Левченко?

– На КПП, с разрешения командира отделения.

– Ну-ну! Не забывай о нашем разговоре.

– Не забуду.

– Тогда двигай, гигант половой мысли.

Логинов рассмеялся и заявил:

– Это вы, товарищ старший лейтенант, точно заметили.

Миша такой и есть. Настоящий гигант половой мысли.

– А чего только мысли? – в тон другу спросил Левченко.

Старший лейтенант Климашь ответил:

– А то, что до реального полового гиганта ты еще не дорос. Но с твоими способностями это нетрудно.

– Вам бы только подкалывать.

– Ступай, пока я тебя не отправил в казарму! – Командир взвода улыбнулся.

Левченко прошел на КПП училища.

Там уже скопилось с десятков девушек, ожидавших своих парней. Увидел Михаил и Лизу. На этот раз она была одета вполне прилично, юбка до колен, светлые колготки, сапожки, шапочка. Накрашена в меру, как все. Со стороны посмотришь – скромная девушка.

В вечернее время курсантам разрешалось выходить за пределы училища. Левченко так и сделал.

Лиза подошла к нему и сказала:

– Привет! А говорил, не приду. Испугался, что заявись бы в роту?

– У меня мало времени. Давай поговорим.

– Пойдем.

Они устроились на скамейке у автостоянки.

Левченко посмотрел на молодую женщину и спросил:

– Значит, теперь я от тебя никуда не денусь?

– Да!

– И ты в этом абсолютно уверена?

– Уверена.

– Откуда у тебя такая уверенность?

– Если помнишь, ночью мы с тобой занимались любовью.

– Это повод для уверенности? – Михаил усмехнулся.

– А ты не заметил, что мы не предохранялись?

– И что?

– А то, Мишенька, что женщины после секса иногда становятся беременными. А результат беременности – рождение ребенка.

– На что ты намекаешь?

– Я не намекаю, а говорю тебе простые истины. Прошедшая ночь не останется без последствий.

– Забеременеешь – сделаешь аборт.

– Ага, разбежался!.. Нет, Мишенька, я рожу тебе мальчика, похожего на тебя, или красавицу девочку, а может быть, и двойню. У нас в роду многие женщины рожали двойню.

Левченко не ожидал такого поворота разговора, хотя он легко просчитывался.

– Мы еще посмотрим, как ты забеременеешь.

– Посмотришь, Миша!.. Ты первым узнаешь об этом.

– Но даже если и так, то что? Рассчитываешь, я женюсь на тебе?

– Придется, Миша. Ты же не захочешь, чтобы я испортила тебе карьеру. И потом, ты парень порядочный, не сможешь отказаться от ребенка. Другой бы запросто, ты – нет. А где ребенок, там и мать.

– Это шантаж?

– Нет, это любовь. И давно, как только я познакомилась с тобой на дне рождения Вики.

– Ты мне лапшу-то на уши не вешай.

– Не веришь, а я говорю правду. Но между нами встала Вика. Я не могла рушить ваши отношения. Когда же они развалились сами по себе, решила взять свое.

– Свое? Я что, вещь?

– Нет, милый, ты мой самый хороший человек. Я не Вика, чтобы упускать счастье. Я буду бороться за него. Тебе было хорошо со мной в постели. Я это видела, и мне тоже было хорошо. Это самое главное во взаимоотношениях мужчины и женщины. Если между нами гармония в сексе, то и брак будет крепким, без измен. У нас с тобой гармония. Я тебе небезразлична, иначе ты в любом случае не лег бы со мной в постель. В городе полно шлюх, чтобы удовлетворить свои потребности. Да что там в городе, у вас в училище, особенно на стадионе, они десятками шлются. Но ты пошел не к ним, а ко мне. Можешь говорить что угодно. Я-то знаю, что небезразлична тебе, и этого достаточно. Тебе, Миша, будет хорошо со мной.

Левченко невесело усмехнулся и сказал:

– Да куда уж лучше, когда рогами начну провода сшибать.

– А вот это ты зря. Я умею быть верной. Это Вика, которая ничего не понимает в жизни, скорее всего, гульнет при первой же возможности, но не я.

– Потому что нагулялась?

– Не буду врать, и поэтому тоже. Мне сейчас не мужчина нужен, а муж, семья. И я своего шанса не упущу. Любовь,

Миша, способна поднять до небес, но может и так шарахнуть о землю, что костей не соберешь. Нет ничего страшнее отвергнутой женщины. Но ты не бросишь меня. А о Вике забудь. Когда я сегодня рассказала ей о нашей волшебной ночи...

Левченко схватил Лизу за руку:

– Ты все рассказала Вике?

– Мне больно, Миша. Это не та боль, которая усиливает оргазм. Отпусти, пожалуйста.

Михаил отпустил ее руку.

– Да, я рассказала Вике о том, что мы переспали, чтобы все встало на свои места.

– Но это же подлю!

– Честно разобраться в нашем треугольнике – подлость? Подлость в другом – скрывать это. Но ты особо не переживай. Знаешь, что ответила мне Вика?

– Что?

– Она сказала, что так даже лучше. Сестренка пожелала мне счастья! А еще она сказала, что ненавидит тебя, потому что ты заставил ее унижаться. Так что не надо волноваться. Вика сейчас в порядке. После нашего разговора она успокоилась. Ей какой-то парень из института позвонил, куда-то пригласил, и сейчас она с ним. Не веришь, можешь позвонить. Ее мать, тетя Аня, от тебя ничего скрывать не будет.

Левченко были неприятны слова Лизы, но он чувствовал, что на этот раз она не лжет.

– Что ж, Вика свободная девушка, она вправе делать все, что захочет. Как и я, и ты. Мы тоже свободные люди. По крайней мере, я считаю себя именно таким человеком.

– А никто на твою свободу и не посягает. Живи свободно, но... в семье. Если же я не рожу, тогда ты сам решишь, быть со мной или нет.

– И на том спасибо. – Левченко шутливо поклонился, хотя ему было совсем не весело.

С одной стороны, он знал Елизавету как девушку не совсем строгого поведения. Откровенной шлюхой она, конечно, не была, но и в удовольствиях себе не отказывала. С другой стороны, сегодня Лиза предстала перед ним совсем другой. Не болтливой пустышкой, а женщиной, знающей, чего хочет добиться в жизни, не по годам опытной и разумной, по крайней мере в делах интимных.

Так думал курсант Левченко. Если бы он обладал способностью читать мысли на расстоянии, то узнал бы, что Лиза просто ведет свою игру. Ни о какой любви она не думала, да и не любила никого, кроме себя.

Ей нужно было устроить личную жизнь, уехать из Узбекистана. Можно, конечно, перебраться в Россию или на Украину и с родителями, но что это даст? Ничего. Работу за копейки. Мужчину она, конечно, нашла бы, но какого? Работягу, тоже вкалывающего день и ночь за мизерную зарплату. Да еще родители. Отец и здесь-то зарабатывал крохи, мать получала пенсию по инвалидности. Что же ждет ее в этом

случае в России, Украине, Белоруссии? Елизавета не хотела жить в нищете.

Совершенно другое дело – выйти замуж за офицера. Это зарплата, пусть на первых порах и не самая высокая, всякие льготы, своя квартира или хотя бы комната. Перспектива улучшения жизни с карьерным ростом мужа. Он и учится хорошо, и к службе относится серьезно. Добьется высокой должности. С ней же придет и благополучие. На это не уйдет много времени. От силы лет десять. Как раз чтобы дети, если они будут, подросли. За офицером она была бы как за стеной. Потому-то ей и нужен был курсант, сидевший рядом в задумчивости. А не сложится жизнь с ним, она в гарнизоне другого найдет. Холостяков в гарнизоне много. Но это так, резервный вариант.

Лиза заранее просчитывала все свои ходы, чего не мог Михаил. Не потому, что был глупее хитрой девицы, а потому, что был порядочней ее. Это человеческое качество отвергает подлость в любом ее проявлении.

Пауза затянулась. Время меж тем летело стремительно.

Михаил с удивлением увидел, что вокруг никого, только наряд на КПП.

Он посмотрел на часы:

– Твою мать! Без пятнадцати. Не успел.

– Куда, Миша? До отбоя еще пятнадцать минут.

– На прогулку. Но, может, еще перехвачу роту. Я побежал, все, пока.

– Я буду ждать!

– Чего? – удивленно спросил Левченко.

– Не чего, а кого. Тебя буду ждать. Последний автобус ушел, а одной идти ночью по городу не хочется, сам понимаешь.

– Вчера ты этого не боялась. Ладно, я побежал.

– Жду, Миша!

Левченко рванул к подразделению и успел заскочить в строй, когда рота подходила к плацу, вопя во все глотки песню, надоевшую всем до чертиков.

Климась видел, что его подчиненный опоздал, да и на построении замкомвзвода вынужден был доложить об отсутствии курсанта. Но старший лейтенант сделал вид, будто ничего не заметил. В конце концов Левченко вернулся и находился в строю.

Рота вернулась в расположение, и старшина провел вечернюю поверку. После чего был объявлен отбой.

Командир взвода, он же ответственный по роте, прошел в канцелярию.

За ним проследовал Левченко.

– Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант?

– Я видел, что ты опоздал, да и замкомвзвода доложил. Но будем считать, ничего такого не было. Так что иди спать, Миша.

– Я по другому вопросу.

– Да? Ну, проходи, присаживайся. Выкладывай, что у те-

бя.

– Мне нужно в город.

Климась не ожидал подобной наглости. Левченко должен был быть благодарен взводному за то, что тот не стал раздувать дело, а тут нате вам!..

– Ты вконец оборзел, Левченко, или решил поиздеваться? Ты чего добиваешься? Отчисления? Так мы это в момент оформим. Завтра подам рапорт по команде, и на следующей неделе ты уже будешь служить в батальоне обеспечения учебного процесса, рядовым. Вернее, дослуживать до приказа на увольнение в запас. Это в лучшем случае. В худшем тебя отправят к черту на кулички, в какой-нибудь дальний гарнизон, где ты узнаешь все прелести срочной службы. Там тебе жизнь медом не покажется. Несмотря на то, что будешь считаться дембелем. Солдаты отыграются на тебе по полной.

– Я не оборзел и не добиваюсь отчисления. Просто мне надо сегодня в город.

– Нет, ты в натуре достал меня.

– Разрешите, я все объясню!

Старший лейтенант бросил шапку на стол.

– Послать бы тебя, да ладно, объясняй!

Левченко подробно, как смог, доложил взводному о своих проблемах.

– Вот так, товарищ старший лейтенант.

Климась усмехнулся и заявил:

– Разводит тебя хитроумная девица, а ты ведешься, как ишак безмозглый. Извини за грубость, но это так. Я же тоже погоны не после института получил, был в твоей школе. Знаешь, сколько у меня таких беременных невест было? Аж три! Одна наехала так, что твой случай – ерунда полная. До начальника училища дошла. С мамашей на прием к генералу явилась. Вот, мол, подлец курсант Климась воспользовался невинным созданием, а теперь нос воротит.

– И что дальше было?

– Генерал позвонил комбату, тот – ротному, и предстал я перед генералом. Мол, ты брюхатишь баб, а мне выслушивать их жалобы? У начальника училища больше дел никаких нет? Короче, прочитал нотацию и предупредил: не решу вопрос с девушкой, выгонит из училища. Пусть потом командир части с этим дерьмом разбирается.

– И как решили вопрос?

– Да никак! Послал всех на три буквы и стал готовиться к отправке в войска. А потом выяснилось, что не была беременной та девица, сейчас уже имени ее не помню. Утряслось все само собой. А ты ведешься на подставу.

– Я понял вас, товарищ старший лейтенант, но девушке сейчас одной опасно добираться домой. И пешком, и тем более на такси. Если с ней что случится, я же себе этого никогда не прощу.

Климась вздохнул:

– Тут ты прав. Но что с тобой делать? Увольнительную

выписать я не могу, разрешить самоход – тем более. Закрывать глаза на отлучку? Но как же другие курсанты?

– Да я не попадусь, товарищ старший лейтенант.

– Ладно, есть один вариант, но смотри, в последний раз иду у тебя на поводу.

– Так точно!

– Так точно, – передразнил курсанта офицер, открыл сейф, достал оттуда ламинированную карточку. – Держи! Карточка посыльного. Нарвешься на патруль, объяснишь, что ответственный офицер послал тебя за командиром четвертого взвода. Только повязку не забудь.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант!

– Деньги на такси есть?

– Откуда? Их нам еще не выдавали. Да я с Камалом договарюсь, он постоянно на своей тачке у остановки торчит, ребят подвозит.

– Этот Камал довозится! На него уже заявку в местную ментовку скинули. Лишится прав ваш таксист.

– Вряд ли. У него сын в УВД капитаном служит.

– Да? Тогда отмажется. Ладно, забирай карточку, повязку и вали. Только поаккуратней.

– Я туда и обратно, товарищ старший лейтенант.

– Нет уж. Туда с Камалом доедешь, а обратно пешком по ночному городу? Не пойдет. Налетишь еще на местных. Так что возвращайся утром, перед подъемом. Если, конечно, подружка оставит у себя. Или попроси Камала, чтобы подо-

ждал. Но скорее всего, девочка затащит тебя к себе домой. Ты все понял?

- Так точно! Спасибо, товарищ старший лейтенант.
- После выпуска отблагодаришь хорошим коньяком.
- Без базара!
- Проваливай!

Михаил вышел из канцелярии и в бытовке встретился с Логиновым.

- Что, Климась за опоздание на прогулку дрючил?
- Нет, отпустил в город.
- Не понял... – изумленно произнес Сергей.
- Потом, завтра все объясню. А сейчас мне спешить надо.
- Черт возьми, Миша, что происходит?
- А хрен его знает, Серега. У самого голова кругом.
- Ну, давай, удачи!
- Все будет нормально.
- Конечно. Вот тебя завертело! Дела.

Подмигнув другу, Левченко забрал у дежурного по роте повязку посыльного и направился на КПП. Прапорщик-дежурный проверил карточку, позвонил в роту. Убедившись в том, что Левченко действительно отправлен в город, он открыл двери:

- Поосторожней, курсант!

Этот прапорщик был старше сменщика. В училище его уважали. Он служил в батальоне обеспечения инструктором по вождению и никогда не делал подлянок на занятиях. Не

выключал зажигание, если во время вождения вдруг глох двигатель и приходилось заводить его «кривым стартером». Это было бесполезно, но выматывало прилично. Не орал, когда курсант делал что-то не так. Многие желали попасть именно к нему, потому что знали, он научит.

– Постараюсь, товарищ прапорщик.

К КПП подошла Лиза:

– Я уже думала, ты не придешь.

– Пришел, как видишь. Идем.

– Пешком пойдем?

– Посмотрим. Если одного мужика на месте не будет, то пешком.

– У меня есть деньги. На такси хватит.

– Отлично. Значит, если не будет мужика, попробуем поймав такси. Здесь это не так просто, да еще ночью.

– Ты это мне говоришь?

– А, ну да, ты же все знаешь!

Узбек на подержанной «копейке» оказался на месте. Он дремал, откинувшись на сиденье.

Михаил постучал по окну:

– Подъем, Камал!

– Что? – Бомбила не сразу пришел в себя.

– Салам, говорю!

– Салам!

– В город поедем?

– Конечно! Только туда или еще и обратно? – спросил Ка-

мал, увидев рядом с курсантом девушку.

– Туда и обратно! – ответил Михаил.

Лиза промолчала, но чему-то улыбнулась.

– Садитесь, таксу знаете! Нет денег, в долг довезу. Но от-
дать надо будет завтра. Пойдет?

– Пойдет.

– Хоп! Поехали.

Самарканд по площади и населению примерно такой же, как областные центры России. К примеру, Тула, Владимир, Рязань. При наличии свободных дорог проехать его можно минут за двадцать. Камал доехал до нужного места за десять минут и остановил машину.

– Ты подожди, – обратился к нему Михаил. – Я провожу девушку и приду.

Узбек ткнул пальцем вперед и сказал:

– Туда смотри!

Левченко взглянул. За арыком у кустов на корточках сидели трое парней. Они передавали друг другу папиросу, огонек которой был хорошо виден.

– Ну и что? – проговорил курсант. – Сидят ребятки и курят анашу.

– Ты думаешь, они тебя пропустят? У них же сейчас мозги не пашут. Привяжутся, это точно.

– Как привяжутся, так и отвяжутся, – спокойно ответил Левченко.

Он был уверен в себе, знал, что с тремя-то пацанами раз-

берется, тем более имея ремень – довольно грозное оружие в умелых руках.

– От этих, парень, отобьешься, они друзей приведут. На обратном пути обязательно встретят. Только на дорогу не выйдут, из кустов камнями забросают. И я помочь ничем не смогу. – Камал обернулся к Лизе, сидевшей на заднем сиденье: – Ты, девочка, знаешь этих парней?

– Отсюда не видно. Если местные, из района, то знаю, только это ничего не меняет. Меня не тронут, до курсанта домотаются, тут вы правы. Не любят местные военных.

– Может, сама дойдешь как-нибудь?

– Ты что, Камал? Она пойдет, а я останусь? Если уж прицепятся, то мне обязательно встреть придется, – воскликнул Левченко.

– В каком доме живешь, девушка? – спросил Камал.

– Во втором справа.

– Шайтан! И не подъедешь. Когда только дорогу перекопали? Позавчера здесь ездил, канавы не было.

– Вчера копали, трубы какие-то меняют, – ответила Лиза.

– Что будем делать? Может, обратно вас отвезти? У меня в Махале родственник живет, у него переночуете.

– У меня у самого в Махале есть комната, но от трех обкуранных уродов бежать запахло. Мы пойдем, Камал. Если увидишь драку, не жди, езжай. Я вернусь через промзону, напрямую, или через колхоз «Москва». Дорогу знаю.

– Ну, гляди, дело твое!

Левченко кивнул Лизе и заявил:

– Пошли!

– Я боюсь, Миша!

– Как же ты раньше не боялась? Понты наводила?

– А если и наводила, то что? Мне простительно.

– Идем! Держись за спиной, но недалеко. И беги во всю прыть, когда крикну, поняла?

– Как же я тебя оставляю?

– Ты хочешь, чтобы эти придурки пустили тебя по кругу, если свалят меня?

– Нет!

– Тогда делай так, как я говорю!

– Хорошо.

Камал проговорил:

– Ай, зря вы идете. Вернуться надо.

– Не надо!

Пассажиры вышли из машины. Лиза взяла Левченко под руку, и они, не глядя на парней, пошли по улице, прижимаясь к правому тротуару, где через канаву был брошен мостик.

Камал оказался прав. Да Михаил и сам знал, что обкуренные парни не пропустят парочку, да еще курсанта с красивой девушкой. Так оно и вышло. Как только Михаил и Лиза поравнялись с ними, вся троица как по команде поднялась.

– Ай, смотри, какая хорошая девушка, а идет с козлом-курсантом, – заявил один из них.

Второй крикнул:

– Девушка, бросай своего курсанта, ступай к нам. С нами весело будет. Не пожалеешь.

Михаил понял, что надо действовать, без стычки не обойдется.

Он повернулся к троице:

– Пасти вонючие закрыли, ослы!

– Чего?! – чуть ли не хором возмутились парни. – Ты что, козел, сказал? Кто осел? Кто пасть закрой?

Левченко сказал Лизе:

– Встань ближе к мостику.

– Бежим вместе, – предложила она.

– Ага?! Сейчас. Ты слышала, чтобы мы когда-нибудь бежали от местных?

– Нет, но...

– Все! Замолчала, отошла.

Троица между тем перемахнула через арык, начала сближение с Михаилом. Видно было, что парни нередко нападали на прохожих. Они подходили полукругом, охватывая одинокого противника с трех сторон.

Михаил взялся за ремень.

В ответ один из парней достал нож, поигрывая им, усмехнулся и заявил:

– Ну что, вояка, попал!.. Веревка твоя тебе не поможет.

Под веревкой он, видимо, подразумевал ремень. По тому, как вели себя пацаны, Михаилу стало ясно, что с курсанта-

ми училища они еще дела не имели. Иначе не игнорировали бы ремень. Не знали, значит, что нож против бляхи как кол перед ломом.

– Тебя сейчас резать буду. Чуть-чуть. А бабу твою драть в яме. Втроем сразу. Уходи, если не хочешь, чтобы после бабы и тебя раком поставили.

– Ты базарь меньше, ишак! Если кому и валить, то вам. Догонять не стану.

– Ай, смотри, какой смелый! Дурак ты, козел!

Михаил внимательно отслеживал ситуацию. Он прекрасно знал, что пацан с ножом отвлекает его внимание разговором, а реального нападения ждать следует слева, справа либо одновременно с обоих флангов, выражаясь военным языком. Левченко не первый раз сталкивался с местными подонками и их шакальи повадки знал хорошо.

Местные бандюки не изменили привычной тактики. Первым на Михаила бросился молодой узбек справа. Левченко встретил его выбросом ноги. Удар пришелся в солнечное сплетение. Парень охнул, упал на спину и скрючился на асфальте от пронзительной боли.

Михаил сорвал ремень. Последовал резкий взмах, и бандит, стоявший слева, схватился руками за щеку, рассеченную бляхой.

Третий, который играл ножом, отскочил назад и крикнул:

– Ну, собака, тебе не жить!

Герой юркнул в кусты, бросив своих товарищей.

Лиза сказала:

– Идем ко мне, Миша, и быстрее.

– К тебе? А родители?

– Предки в Ташкенте. Они к знакомым на юбилей свалили. Хата пустая. Но только надо торопиться. Урод, который убежал, толпу соберет быстро. Таких в районе на каждом углу полно. Соберется стая, и хана нам с тобой!

– Ладно.

Левченко махнул рукой Камалу, который пока еще стоял на месте, – езжай, мол. Узбек развернул «копейку» и погнал к главной улице.

Михаилу и Лизе пришлось пробежаться. Чтобы пострадавшие уроды не заметили, куда они подевались, парень и девушка обогнули здание с тыла и вошли в крайний подъезд.

Там Левченко оставил Евсееву.

– Погоди, Лиза. Посмотрим, что будет на улице.

– Что будет? Толпа соберется и начнет рыскать по микрорайону, искать тебя.

Она оказалась права. Не прошло и пяти минут, как на месте стычки собрались рыл пятнадцать. У некоторых были палки, у кого-то камни, у одного цепь. Эти забьют насмерть не задумываясь. По тому, что толпа какое-то время стояла на месте, переговариваясь, Михаил понял, что местные бандиты не знают, куда подевались он и Лиза. Девушку, похоже, они тоже не знали. Его в темноте первые трое рассмотрели, а вот Лизу – вряд ли. Но днем эти стаи не шарахались по го-

роду, а по ночам нормальные люди сидят дома.

Левченко прикрыл подъездную дверь, взглянул на Лизу и сказал:

– Веди домой, раз так вышло.

– А ты молодец, Миша, не испугался и двоих вырубил играючи. Видно, неплохо вас учат драться.

– Нас учат не драться, а вести рукопашный бой. Это два разных понятия. Ну и где твоя хата?

Они поднялись на второй этаж. Лиза указала на дверь посередине площадки.

– Вот, квартира пять. Между прочим, трехкомнатная! А я у предков одна.

– И к чему ты это сказала?

– К тому, что у меня лучше, чем в твоём сарае.

– Телефон есть?

– Да. Даже коньяк отец держит для гостей. Выпьешь немного для снятия стресса?

– Нет, спасибо, мне самогона хватило. Так мы и дальше будем стоять в подъезде?

– Извини.

Лиза достала ключи, открыла дверь. Они вошли в прихожую.

Девушка включила свет и сказала:

– Раздевайся, тапочки в ящике под зеркалом. Или ты в портянках? Дать носки?

– Не надо, я не в портянках.

Квартира Евсеевых оказалась обустроенной бедно, но со вкусом. Старенький телевизор, кассетный магнитофон, мебельная стенка времен застоя. Кухня крохотная, обычная для хрущевки. В комнате Лизы – софа, стол, стул, платяной шкаф, маленький черно-белый телевизор, кассетный магнитофон. На полу палас. Обои под цвет штор.

– Ну как? – спросила Лиза.

– Хорошо!

– Ничего хорошего, конечно, нет. У подруги с третьего этажа квартира обставлена куда лучше. Только замуж вышла, а семья переехала в Наманган. Там чего только нет.

– Завидуешь?

– Да!

– Зависть – плохое качество.

– А я по-хорошему завидую и жить так, как мои предки, не желаю.

– Поэтому тебе и нужен муж-офицер?

– Мне нужен муж, которого я любила бы. Но мы уже говорили об этом. Перекусишь?

– Нет, спасибо.

– А все же как насчет коньячка для расслабухи?

– Не хочу. Я и без коньяка чувствую себя нормально.

– Не желаешь узнать, как отдохнула Вика?

– Нет.

– И правильно. Душ?

Левченко согласился:

- Да, душ, это, пожалуй, то, что нужно.
- Я тебе отцовы спортивные штаны и майку дам. Ничего?..
- Ничего, я не брезгливый.
- Значит, ты остаешься до утра?
- Лишь потому, что неохота пешком до училища топать.
- Ну и ладно. Я подготовлю ванну.
- Давай!

Левченко принял душ и переоделся в спортивные штаны и майку, которые оказались малы. Потом он прошел на кухню. Там у газовой плиты стояла Лиза.

- Я кофе сварю, – сказала она и рассмеялась.
- Чего ты? – спросил Михаил.
- В этой одежде ты смотришься смешно.
- Надену форму.
- Не надо. Все равно спать ложиться. Время-то первый час.
- Ты мне в зале на диване постели.
- Да перестань ты. Как пацан, на самом деле. Ты же хочешь меня.
- И все-то ты знаешь.
- Женщина, Миша, чувствует, когда ее хотят, а когда нет.

Давай по чашечке кофе.

Михаил присел за кухонный стол, выпил кофе. Лиза убрала чашки, вымыла их. Вообще в квартире было чисто, и это приятно удивило Михаила. Он почему-то думал, что в хате Евсеевой обязательно должен быть бардак. Но оказалось,

что молодая женщина следила и за собой, и за порядком в квартире.

– Пойдем в комнату.

Отказываться не имело смысла. Миша действительно хотел эту страстную молодую женщину, умеющую доставлять удовольствие. Она застелила софу чистым бельем.

– Ты раздевайся и ложись, я сполоснусь. Только не спать, все равно разбужу!

– Уснешь после кофе, пожалуй.

– Я знаю, что делаю!

– Не сомневаюсь. Ты же такая целеустремленная.

– Разве это плохо?

– Смотря для кого. Но иди, вставать рано. Кстати, у тебя есть презервативы?

– Что? Презервативы? Нет, конечно. Что я, шлюха, таскающая их с собой для клиентов? Да и зачем они теперь, Миша? Эти штуки нам совершенно ни к чему. Главное-то уже сделано.

Лиза ушла и вернулась минут через пять. Надевать халат или пеньюар она не стала, так голой и вышла в комнату.

Она замерла перед софой, отставив ногу в сторону, и осведомилась:

– Разве у меня плохая фигура?

– У тебя хорошая фигура, только подобная демонстрация не к месту.

– Почему же? Посмотри на это тело. Теперь оно не толь-

ко мое, но и твое. Все твое. Может, чулки надеть? Знающие люди говорят, что они возбуждают.

– Поэтому ты и приходишь в них на дискотеку в училище?

– И кто же тебе такую ерунду сказал?

– А что, разве не было этого?

– Нет, Мишенька. Если я и приходила в училище, то в колготках. Это для тебя вчера сделала исключение.

– Не надо никаких чулок. Выключи свет и ложись.

– Я бра оставляю, ладно? Чтобы видеть тебя.

– Оставляй.

Лиза вырубила верхний свет и включила бра. Она юркнула под одеяло к Михаилу и тут же впилась в его губы. Ее ладонь опускалась от груди к животу и ниже.

Два часа длились любовные игры. На трезвую голову Левченко оценил незаурядные способности Лизы. Она позволяла делать с собой все, что ему было угодно, при этом сама провоцировала на то, на что Михаил едва ли отважился бы. Он испытал сильнейший оргазм. Впрочем, как и Лиза. Она в крике прикусила себе палец. Они заканчивали сеанс секса, вскоре начинали следующий. Лиза ласкала его так, что Миша приходил в боевую готовность буквально за пять-семь минут. Уж что-что, а заниматься любовью она действительно умела.

Удовлетворившись полностью, они сразу же уснули. Лиза не стала заводить разговор, как на хате в Махале. Да не было в нем никакой необходимости. Она упорно шла к достиже-

нию своей цели и была близка к этому.

В 5 утра Левченко проснулся, посмотрел на часы и поднялся, стараясь не разбудить Лизу.

Но его подружка проснулась, как только он убрал ее руку со своей груди, и сказала:

– Доброе утро, милый! Что, уже пора?

– Да.

Лиза потянулась.

– Хорошо-то как! У меня были мужики, но такого кайфа, как с тобой, я ни с кем не испытывала. Это что-то небесное. Мне, конечно, не стоило бы так говорить, но не могу сдержаться.

– Что такое?

– Интересно, а вот было бы у тебя с Викой такое, как со мной?

– Не напоминай мне о ней!

– Не буду. Но так хорошо тебе с ней не было бы.

– Лиза!..

– Все, все! Встаю, разогреваю кофе и делаю бутерброды.

– Я в училище позавтракаю.

– Одно другому не мешает. Женщина должна лелеять своего мужчину не только в постели.

Левченко вздохнул, прошел в ванную и принял контрастный душ, который взбодрил его. Все же он за двое суток по-настоящему спал не более пяти часов. Парень даже в наря-

дах отдыхал больше.

Лиза из кухни крикнула:

– Бритва отца в нижнем ящике.

Михаил провел ладонью по щеке. Да, побриться надо. Хотя это можно сделать и в роте, но там тесно, что в бытовке, что в умывальнике. Приходится ждать очереди. На сто с лишним курсантов в подразделении всего восемь розеток и двадцать умывальников. Здесь же никого. И вода горячая.

Он побрился и вышел из ванной. Лиза подала ему одеколон.

Быстро позавтракав, Михаил вновь посмотрел на часы и сказал:

– Двадцать минут шестого. У меня полчаса. Даже пешком должен успеть.

– Зачем пешком, Миша? Я же говорила, что у меня есть деньги. Возьми, а такси у магазина поймашь. Они там с утра постоянно трутся.

– Да неудобно.

– Удобно. Мы же теперь не чужие люди. Тебя завтра или послезавтра не отпустят в увольнение?

– Нет. По графику должны другие пойти.

– Тогда можно мне приехать к тебе?

– Только не сегодня и не завтра.

– Значит, в воскресенье?

– В воскресенье приезжай.

– Я тебе курочку запекую в духовке, пальчики оближешь.

Заодно проверишь, как готовит твоя Лиза.

Молодая хищница уже вжилась в роль. Впрочем, она считала, что дело сделано и этот курсант никуда от нее не денется. Ее старания не прошли даром. Не то что у некоторых, которые годами гоняются за ребятами с четвертого курса, а те постоянно их обламывают.

К мужчине нужен подход. Самое главное – затащить его в постель да ублажить так, чтобы он потом с другой не испытывал ничего подобного.

Лиза определенно была довольна собой. Она проводила Левченко, у двери поцеловала в щеку. Миша не отстранился. Лиза приняла это за знак полного ее успеха.

Михаил же шел к магазину в задумчивости. Похоже, попал он с этой Лизой. А впрочем, что особенного в том, что ему придется жениться на ней? Конечно, если родится ребенок или будет очевидно, что Лиза беременна. Судя по ее поведению, она действительно любит его. Гуляла раньше, но об этом там, куда его пошлют служить офицером, никто знать не будет. А если и в гарнизоне загуляет, то разговор состоится короткий. Забирай манатки и вали до хаты, в родной Самарканд. А может, и срастется у них все. Он еще и благодарить судьбу будет.

У магазина действительно стояли машины. Среди них Михаил увидел «копейку» того самого узбека, который вчера подвозил их сюда.

Левченко подошел к нему:

– Салам, Камал!

– Салам! Правильно сделал, что до утра остался.

– Не меня ждешь?

– Я утром всегда здесь встаю, потом еду в Дальний лагерь.

Месторасположение училища в Самарканде называли Дальним лагерем.

– Значит, мне повезло?

– Ай, тут вон сколько машин!

– Но ты-то наш, считай, училищный! У меня деньги в одну сторону, но сегодня отдам все. Должны выдать денежное довольствие.

– Хоп. Едем!

Камал отъехал от магазина. Почти всю дорогу он молчал.

Только у самого училища водитель повернулся к Левченко и спросил:

– Тебя как зовут, парень?

– Михаил.

– У меня друг в армии был. Тоже Миша, из Калуги. Вот что я скажу тебе, Михаил, та женщина, у которой ты был, не твоя.

– Ты что-то знаешь о ней?

– Нет. Зачем знать? Я так вижу. Не будешь ты с ней жить.

И не надо.

– Камал, позволь мне решать, с кем жить.

– Конечно! Но не будет у тебя с ней жизни. Ничего не будет. Не твоя она.

Узбек подвел «копейку» к остановке.

Михаил передал ему деньги и пообещал:

– Остальное в течение дня принесу.

– Хоп! Если только менты не погонят от училища. Мне сказали, что ваше начальство жаловалось на меня, самовольщиков, мол, вожу. Как будто лучше, если они станут пешком ходить. Не я их заставляю идти в самоход.

– Не встречу здесь, найду в городе, долг отдам.

– Хорошо, Миша.

– Ладно, побежал я. Как раз до подъема успеть должен.

– Удачи тебе, парень!

– Спасибо.

Левченко вышел из «копейки», захлопнул дверку и побежал к контрольно-пропускному пункту. В роту он вошел без десяти шесть, когда дежурный будил старшину и заместителей командиров взводов. Михаил прошел в канцелярию, доложил о прибытии Климасю.

Старший лейтенант кивнул и заявил:

– И на этом, курсант, все!

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Разрешите идти?

– Ступай!

Глава 3

После занятий ротный выдал курсантам деньги. Левченко нашел Камала на остановке и рассчитался с ним. Сергей Логинов и Андрей Корнеев отправились в увольнение. Как ни упрашивали они Михаила, тот не пошел в город на вечеринку. Свободное время он провел в спортгородке.

Там и застал его взводный.

– Смотрю, исправляешься.

– Обещал же!

– Правильно, это по-мужски. А чего с друзьями в увольнение не пошел? В следующие выходные взвод заступает в караул.

– Не захотел. Надоело.

– Конечно, после двух весьма бурных предыдущих суток.

– Точно, бурных.

– Ладно, занимайся. Физподготовка – дело хорошее, нужное. – Климась ушел.

Вечером курсанты, которые остались в училище, толпой двинули на дискотеку в клуб. Левченко не пошел и туда, решил отдохнуть. В выходные курсантам позволялось после обеда спать, с разрешения ответственного офицера, естественно.

Отбой в субботу производился на час позже, в 23.00. В половине одиннадцатого появился Логинов. От него за метр

несло спиртным.

Он подошел к приятелю и заявил:

– Мишаня, выручай!

– Увольнительную отметить у дежурного по училищу?

– Да, мы с Андрюхой, сам понимаешь, в таком виде в штаб идти не можем.

– А кто сегодня дежурный?

– Полковник Володин с кафедры двигателей.

Этот офицер недавно прибыл в училище из войск. Предмет, который он вел, изучался на начальных курсах. Выпускников полковник в лицо знать не мог.

– Ну, если с двигателей, то ладно.

Мише пришлось быстро переодеться в парадку.

В штабе все прошло без проблем. Самого дежурного не было, он отошел на КПП. Увольнительные отмечал курсант-стажер. Он сделал запись в журнале, и Левченко вернулся в роту.

В воскресенье с утра весь личный состав занимался уборкой территории. Затем часть курсантов ушла в увольнение.

Лиза сдержала слово, в субботу не появлялась. Она приехала в воскресенье, когда в клубе вновь проходила дискотека, но в училище не пошла, попросила наряд вызвать Левченко на КПП.

Михаил ждал этого и без двадцати девять был у контрольно-пропускного пункта. Погода выдалась теплая. Шинель

Левченко оставил в казарме.

Они присели на скамейку у автостоянки.

– Как дела, Миша?

– Нормально.

– Знаешь, а я видела тех подонков, что привязались к нам в пятницу.

– Где?

– Да все там же. Пошла в магазин, а они у канавы тусуются.

– Не узнали?

– Нет, даже внимания не обратили. У того, которого ты ремнем угостил, пластырем полрожи заклеено.

– Пусть радуется, что не вся! Не узнали, это хорошо. Но ты по вечерам не выходи из дома.

– Ты беспокоишься обо мне?

– Я не хочу, чтобы они тебя разделали под орех.

– Беспокоишься! – Лиза прижалась к Левченко, и он не отстранился. – Ты на следующие выходные сможешь пойти в увольнение?

– Нет. Взвод в караул заступает.

– Четвертый курс – и в караул?

– Чем мы лучше других?

– Жаль, а через неделю?

– Через неделю не знаю. А почему тебя это так волнует?

Встретиться мы можем и в будни, в Махале, если невтерпеж станет.

– Не в этом дело. Предки вернулись, я рассказала им о тебе, пообещала познакомить.

– И зачем ты сделала это?

– Как зачем? Пройдет пара месяцев, и мать заметит, что я беременна. Тогда мне придется оправдываться. Отец наедет. Так что лучше уж сейчас обозначимся с этим. Тогда и в будущем вопросов не возникнет, и ты сможешь оставаться у нас.

– Разве я сделал тебе предложение?

– А разве нет?

– И когда же?

– Когда спал со мной. По-моему, мы уже все обговорили.

– Да ты что? А мне кажется, что ничего еще не решено.

– Не обманывай себя, Миша. Все решено. Ты это прекрасно знаешь. Не хочешь признаваться? Не надо. Не настаиваю. Я люблю тебя, Миша. И ты меня любишь. Можешь говорить что угодно, но мы будем вместе. Кстати, у Вики на личном фронте тоже все складывается удачно. Парнишка, который начал за ней ухаживать, оказался из весьма обеспеченной семьи. Отец его какая-то шишка в городе. Хочет сыночка в Москву на учебу перевести, а тот предложил Вике забрать ее с собой.

– И что Вика?

– Кто же откажется от такого предложения?

– И скоро уезжает?

– По-моему, летом. Точно не знаю, да и неинтересно это

мне. У нее своя жизнь, у меня своя. У нее студент, у меня – ты. В скором времени офицер.

– Ты все за всех решила.

– Ничего подобного, я решаю только за себя.

– Ладно, посидели, пойдем, провожу до автобуса.

– Хорошо! Тогда скажи, когда приехать, чтобы... ты сам понимаешь.

– Я позвоню.

– Точно?

– Сказал же!

– Ладно, пошли. Ой, совсем из головы вылетело. Видишь, как ты действуешь на меня!..

– А что такое?

– Курица! Я же привезла тебе запеченную курицу, ну и еще кое-что вкусненькое. Сама приготовила. Оценишь кулинарные способности своей невесты.

Михаил покачал головой. Уже невесты! Да, Лиза прет к своей цели, как паровоз, все сметая на пути.

Она достала из-под скамьи пакет.

– Здесь все.

– Так ты что, пакет тут оставляла?

– Не стоять же с ним у КПП!

– Водки внутри нет?

– Нет. А что, надо было положить?

– Не надо, все правильно.

Забрав пакет, Левченко проводил Лизу до остановки, до-

ждался автобуса, потом пошел в училище. Курицу и бутерброды разделали в два счета те курсанты, которые находились в кубрике. Михаилу досталось только крыло. Но так уж принято. Посылки или такие вот угощения от подруг или родственников надо делить на всех.

Дождаясь построения, Михаил вышел на улицу и устроился в курилке. Он даже и представить не мог, что завтрашний день станет переломным в его судьбе. Да и не только в его. А пока парень сидел и думал о Лизе, Вике, Наташе – своей хорошей знакомой во Львове, которой давно не писал и не звонил, о доме в красивом украинском городе Чугуеве. О том, что скоро станет лейтенантом и получит назначение в войска, где все будет по-другому.

Распределить их вроде должны по всему бывшему Союзу, точнее, по тем республикам, из которых парни были направлены в училище. Если же его оставят в Узбекистане, то найдется выход, как переправиться в Россию или на Украину. Но это вряд ли. У Узбекистана нет такой армии, чтобы пристроить всех выпускников. Лейтенантов из местных вполне хватит. Много о чем думал Левченко, сидя в курилке, пока курсанты не вернулись с дискотеки. Потом дежурный по роте объявил построение на вечернюю поверку.

В понедельник из окна класса Левченко увидел, что к штабу подъехала черная «Волга», из которой вышел какой-то генерал-лейтенант. Его встретил начальник училища.

Затем к ним подошел командир батальона полковник Макаев.

Михаил не понимал, что значили эти движения. Может, кто в выходные залетел по-крупному? Но вроде ничего об этом слышно не было. Хотя, возможно, залет вскрылся только сегодня. Но тогда при чем здесь генерал-лейтенант, который мог прибыть только из Министерства обороны Узбекистана? Непонятно.

Занятия закончились, никакого экстренного построения не прошло, версия о залете сама собой отпала. Ротного по-прежнему не было в расположении. Подразделением командовал старший лейтенант Климась. Он отправил роту на обед, а затем – на самоподготовку. Ближе к ужину комбат собрал совещание командиров рот. Вечернюю прогулку отменили, и только на поверке ситуация прояснилась.

Произошло то, чего никто из курсантов никак не ожидал. На построение, которое из-за дождя было перенесено в казарму, прибыл заместитель начальника училища. С ним комбат. Командир роты отдал команду «Смирно!», доложил о том, что рота по приказу полковника построена.

После чего перед строем выступил заместитель начальника училища.

– Товарищи курсанты! На границе Таджикистана и Афганистана сложилась тяжелая обстановка, – заявил он. – Прорывы границ резко участились. Пограничные заставы и части двести первой мотострелковой дивизии ведут ожесто-

ченные бои. Им требуется срочное усиление. Министерство обороны Узбекистана решило оказать военную помощь соседней республике. Если кто-то из вас изъявит желание поехать служить в дивизию, то он будет отправлен туда немедленно.

Курсанты переглянулись. Это было более чем неожиданно. Что значит «немедленно», если до выпуска еще несколько месяцев, сессия, государственные экзамены?

Полковник разъяснил ситуацию:

– Желающие служить в двести первой мотострелковой дивизии освобождаются от сдачи государственных экзаменов с оформлением документов по текущим оценкам, к утру получают удостоверения личности офицеров, форму, погоны, дипломы. В дивизии год службы засчитывается за три, соответственно, офицеры получают и тройное денежное довольствие. Сколько желающим предстоит служить на границе, неизвестно. Возможно, месяц, два, три, максимум год. После этого офицерам будет предоставлена возможность выбора места дальнейшей службы в любом регионе России с предоставлением жилой площади и льгот участника боевых действий. Рапорта можете подавать в течение ночи. Для этого в отделе кадров на дежурство назначены офицеры. Требуется восемь добровольцев, но если желающих окажется больше, то и им будут предоставлена возможность служить в Таджикистане. Естественно, всех курсантов мы не можем отправить в двести первую дивизию, так что предстоит отбор са-

мых лучших, самых достойных. У вас есть время подумать, но оно ограничено предстоящей ночью. Уже завтра лейтенанты ускоренного выпуска должны убыть в Ташкент. У меня все!

Заместитель начальника училища и командир батальона покинули расположение роты. Среди курсантов тут же началось оживленное обсуждение неожиданного предложения. С одной стороны, выпуск без экзаменов раньше срока, заветные лейтенантские погоны, с другой – командировка не в Сочи, а на войну. Реальную, самую настоящую.

Командир второго взвода, оставшийся в подразделении ответственным, проходя в канцелярию, остановился возле Левченко, Логинова и Суворова.

– Ну и чего задержались? Вам дерьмо в фантик от конфеты завернули, а вы готовы проглотить. Лажа это все, ребята. Неужели у России нет возможности усилить границу? На хрена посылать вас, курсантов? И потом, полковник говорил о том, что нужны восемь человек, но отправят и больше. Где в дивизии столько должностей по нашему профилю? Ведь в одном мотострелковом полку офицеров-автомобилистов от силы пять-шесть человек. Или вдруг все должности оказались вакантными? Такого не бывает. Так что лажа все это. Ступайте спать и не ведитесь на конфетку из говна.

Вскоре курсанты разошлись по кубрикам. Прилег на кровать и Левченко. Впрочем, ненадолго. Уже через десять минут он встал, оделся. Поднялись Андрей Корнеев и Сергей

Логинов.

– Ты чего, Миша?

– Я иду рапорт писать! Если хотите, пошли со мной, а то не успеем.

– Стоит ли? – спросил Корнеев.

– Тебе не надоело училище? Наряды, занятия, бессмысленные построения? А в перспективе неизвестно что. Зашлют в узбекскую армию да отправят к черту на кулички. Нет, лично по мне лучше год войны, зато потом приличная служба в нормальных гарнизонах. Тем более право выбора предоставят.

– А если кинут? – спросил Логинов.

– Кинуть нас могут и здесь, причем очень легко. Но ты сам посуди, Серега, двести первая дивизия – соединение Российской армии, значит, службу мы начнем именно в ней. Куда же, кроме России, нас отправят через год?

– Логично. Подожди, я с тобой, – ответил Логинов.

– Я тоже, – сказал Корнеев.

Парни оделись и пришли в штаб училища. В отделе кадров действительно находились трое офицеров и двое писарей из батальона обеспечения учебного процесса. На столе лежала стопка чистых бланков удостоверений личности офицеров. Точнее, незаполненных, но уже с печатью и подписями.

Майор, старший группы кадровиков, поднял глаза на вошедших курсантов и заявил:

– Фамилии!

Ребята представились.

Старший лейтенант пододвинул к краю стола стандартные листы бумаги.

– Пишите рапорта! – Он достал из ящика еще один лист. – Вот вам образец. Писать слово в слово, разборчиво!

И никакого отбора самых лучших, самых достойных.

Написав рапорта, курсанты передали их старшему лейтенанту.

Тот прочитал, отдал майору и доложил:

– В порядке.

Майор распорядился:

– Сейчас следуйте в клуб, там вас сфотографируют. После чего в роту. Все остальное утром.

Курсанты прошли в клуб, где все было готово для съемки: белый экран, офицерская форма и фотограф. Сфотографировавшись, Левченко, Логинов и Корнеев вышли на улицу и закурили.

– Вроде все по-серьезному, – проговорил Логинов.

– Главное, успели, – сказал Левченко.

Корнеев же, недолго думая, предложил, пока есть время, свалить в Махалю да отметить это событие. Предложение было заманчивое, тем более что деньги у ребят водились, а самогона и вина в частном секторе было валом. Да и хата имелаась.

Но Левченко отрицательно покачал головой и заявил:

– Нельзя, мужики. Хрен его знает, как дальше будет. Заполнить удостоверение – дело минутное, сделать фото тоже недолго. Не решит ли командование сразу же отправить добровольцев в Ташкент? А мы в это время бухать будем. В итоге пролетим, как фанера. Да и с бодуна тоже не катит документы получать. Так что валим в роту и ложимся спать. А отметить такое дело надо будет в Ташкенте, когда дипломы получим, погоны, форму. Вряд ли нас сразу бросят в Душанбе или куда-то еще.

Курсанты вернулись в роту.

Утром после подъема дежурный офицер объявил, что за ночь оформилось не восемь, а тридцать два человека и никому из них не было отказано. Он передал приказ добровольцам находиться в казарме, остальных курсантов роты отправил на физическую зарядку.

Те, кто подал рапорта, после завтрака оказались на плацу. На этот раз построение проводил командир батальона, позже пришел сам начальник училища вместе с заместителем. Он тоже произнес речь об обострении обстановки в районе таджикско-афганской границы, о долге офицера защищать интересы страны, не уточнив, правда, какой именно. В общем, генерал-майор провел официальное мероприятие. Пожелав новоиспеченным офицерам успехов в службе, он отдал команду кадровику, и тот тут же выдал молодым лейтенантам новые удостоверения личности. Командир батальона

дал парням час на сборы.

Левченко пришлось бежать в Махалю, забирать из хаты личные вещи, паковать их. Потом он с телефона дежурного по роте позвонил на узел связи и попросил оператора соединить его с городом. Узнав, что звонит лейтенант досрочного выпуска, тот тут же выполнил его просьбу.

Михаил услышал в трубке длинные гудки, затем голос Лизы:

– Алло?!

– Привет! Это я!

– Миша? Привет! Честно говоря, не ожидала твоего звонка.

– Хорошо, что ты не ушла в свое медучилище.

– Собиралась уже. Еще минута, и ты не застал бы меня дома. Соскучился? Мне приехать сегодня?

– Подожди. Выслушай меня внимательно.

– Слушаю.

– Поздравь меня!

– С чем?

– Я больше не курсант!

– Что? – воскликнула Лиза. – Тебя отчислили?

– Нет. Я теперь лейтенант!

Женщина растерялась.

– Ничего не пойму. Как это лейтенант? Тебе же еще до лета учиться.

– Досрочный выпуск!

– Почему?

– Потому что мы едем в Таджикистан. – На местоимении «мы» Михаил сделал ударение.

– Куда? – испуганно проговорила Лиза. – Какой Таджикистан? Ты что, разыгрываешь меня?

– Нет, я на полном серьезе. Ты забирай из медучилища документы и пакуй вещицы. Я уезжаю в Ташкент. Думаю, что сразу же в Таджикистан меня не отправят. Так что у тебя будет время приехать, а дальше отправимся вместе.

– Но там же война!

– Ну, не совсем война. Боевые действия. Но меня учили воевать, это моя профессия. Распишут нас быстро, в армии все так делается. Правда, придется, наверное, жить в казарме или даже в палатке, но можно и комнату в общежитии получить. Это смотря куда меня направят.

– Послушай, Миша, ты ведь шутишь, правда?

– Я не шучу. Говорю вполне серьезно. Ты полюбила меня, хочешь выйти замуж, беременна. Я не могу бросить тебя. Поэтому собирайся. Жена должна быть вместе с мужем. В дивизии, в которой мне предстоит служить, есть медико-санитарный батальон, так что родишь нормально. В медсанбате медперсонал в большинстве своем Афган прошел. Таких специалистов в городских больницах еще поискать.

– Что? Миша?.. Черт, я не слышу тебя. Давай перезвоню! – Она положила трубку.

Эта умница взяла паузу, наверняка через кого-то решила

проверить, не разводит ли он ее.

Дневальный спросил:

– Все?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.